

Список використаних джерел:

1. Агацци Э. Человек как предмет философии / Э. Агацци // Вопросы философии. – 1989. – № 2. – С. 24–35.
2. Кравченко П. А. Ціннісні орієнтації соціальної архітекτονіки глобальних соціальних мереж у сучасному соціумі / П. А. Кравченко // Філософські обрії: наук.-теорет. журн. / Ін-т філософії імені Г. С. Сковороди НАН України, Полт. нац. пед. ун-т імені В. Г. Короленка. – Вип. 35. – К.; Полтава, 2016. – С. 10–19.
3. Резник Ю. М. Социокультурный подход как методология исследований / Ю. М. Резник // Вопросы социальной теории. – 2008. – Т. II. – Вып. 1(2). – С. 305–328.
4. Сухарев А. В. Этнофункциональная парадигма в психологии: теория развития и эмпирические исследования / А. В. Сухарев. – М.: Институт психологии РАН, 2008. – 576 с.

Лобачев Д.В.

студент,

*Международный институт Глубинной Психологии,
Национальный педагогический университет имени М. Драгоманова*

ДЕЛО МЫСЛИ И ДЕЛО ЖИЗНИ В. В. БИБИХИНА

Для начала прочтем слова Павла Флоренского: *«Иконописцы – люди не простые: они занимают высшее, сравнительно с другими мирянами, положение. Они должны быть смиренны и кротки, соблюдать чистоту, как душевную, так и телесную, пребывать в посте и молитве и часто являться для советов к духовному отцу (...) Напротив, если иконописец не соблюдает указанных требований, он отрешается от своего дела, а в будущей жизни осуждается на вечные муки. Но это – обязательные требования; на деле же иконописцы сами себе ставили требования более высокие, делаясь в собственном смысле подвижниками»* [8, с. 76].

Владимир Вениаминович Бибихин (1938-2004) – русский философ, переводчик и филолог, наиболее известный как автор переводов Хайдеггера, Витгенштейна, а также других философов средних веков и нового времени. Несмотря на выдающийся вклад Бибихина в восточноевропейскую философию, его личность остается до сего дня малоизвестной, и требует, как мы полагаем, более пристального к себе внимания. Именно внимания – от слова «внимать» и «слушать». Ведь дело мысли и дело жизни Бибихина – это ответ на собственный вопрос – что такое философия? Кто такой философ?..

Бибихин пришел к философии через язык – именно так: в 1962 году он поступает в Московский педагогический институт иностранных языков;

помимо английского и французского, он сам изучает испанский, немецкий, санскрит и другие новые и древние языки, особое внимание, уделяя классическим языкам. С 1967 он начинает преподавать, в 1972 становится научным сотрудником Института философии. Все это время он напряженно работает – над переводами, статьями, собственной философией, правда она зазвучит для широкой публики лишь в 1989 году, и сразу же станет событием – Бибахин – образец дела мысли. *«Многому могла научить уже одна только выразительность его облика, отражавшего постоянный труд нескованной, терпеливой и беспристрастной мысли»* [6] – вспоминает его ученица. Действительно, старые очки, уставшие глаза, седая ухоженная борода, скромный и немного рассеянный вид не делали его блестяще-героическим, но по-своему героической оставалась его мысль, которая появилась в эпоху смятения и раздора.

Первым курсом, прочтенным Бибахиним, стал курс *«Мир»* (1989). Это важный для понимания дела Бибахина курс – в нем речь идет, как ясно из названия, о «мире». *«Что такое «мир»?»* – спрашивает Бибахин, и на протяжении лекций дает различные ответы на этот вопрос: *«Мир это как будто бы самое простое: всё, Но ubique pisquat, везде значит нигде. Говорим обо всем – значит ни о чем»* [1, с. 25]. *«Мир это ближайшее. Может ли человек не видеть ближайшее?»* [1, с. 136]. Этот мир, о котором мыслит Бибахин, перекликается с Хайдеггеровским «миром», правда сам Бибахин идет немного дальше и говорит о том, что мир нами уже упущен, что мир никогда уже не будет целый, слишком много всего упущено и потерянно людьми. Нам остается лишь *«не упускать его отсутствия, не забывать своего упущения. Здесь же наш последний шанс не упустить самих себя»* [1, с. 143], ведь мы – люди – такая же часть этого мира и теряя мир – теряем и себя самих.

В том же 1989 году Бибахин будет читать еще один важный курс – *«Язык философии»*. В некотором смысле это одно из главных «произведений» Владимира Вениаминовича, в нем раскрывается то, что можно назвать *«чувство философии»* и *«чувство языка»*. Заглавный вопрос этих лекций может быть обозначен так: *«Язык философии в конечном счете это попытка дать говорить самой философии в наше время, в нашей – русской – языковой среде»* [4, с. 8]. Речь идет не о «языке» как таковом (хотя и о нем тоже), а о самом способе философствования – как это делается вообще? *«Мы не хотим выставить симметричный аналог дисциплине казалось бы утвердившейся, имеющей свою литературу и даже свою классику – философии языка»* [4, с. 9].

Вопрос о языке Бибахин рассматривает не с точки зрения классического языкознания, он мыслит язык как таинство, которое нам предстоит открыть: *«Язык так или иначе не сводится к подбору знаков для вещей. Он начинается с выбора говорить или не говорить. Выбор между молчанием и знаком раньше чем выбор между знаком и знаком. Слово может быть менее говорящим чем молчание и нуждается в обеспечении этим последним»* [4, с. 29]. Философия – это не только мысль, речь; это еще и молчание, тишина. Ш.Монтень говорил, что окна писателя должны выходить на кладбище – не только потому, что

смерть, но и потому что тишина – ничто, смерть это тоже молчание. В котором смысла больше, чем в жизни.

У В.В. Розанова есть цитата: *«Подняв новорожденного на руки, молодая мать может сказать: «Вот мой пророческий глагол»»* [7, с. 120]. У Библихина есть свой *«пророческий глагол»*, который он обрел в переводах Хайдеггера. Хайдеггер всегда – незримо, но ясно присутствует в работах и мыслях Библихина, он свидетель его мысли и духа. Почему именно Хайдеггер?

Сам Библихин так объясняет это в своих семинарах *«Ранний Хайдеггер»* (1990–1992): *«Хайдеггер это огромная мысль, пройти мимо него невозможно. Кто говорит, что обойдется и без него, тот делает себя смешным – как тот, кто, когда проложена уже дорога, все еще пробивается вдоль обочины сквозь кусты. Самостоятельно мыслить? Да разумеется, а как же иначе. Но ради самостоятельности прокладывает через овраги еще параллельную дорогу рядом с готовой широкой – это неправильная самостоятельность; тем более большой вопрос, хватит ли еще сил»* [2, с. 320]. Мысль Библихина и Хайдеггера во многом схожа, и движется, действительно в одном направлении: *они шли по одной проселочной дороге.*

В основе Библихинской философии – целостность языка, слова и мысли. Язык для Библихина – не просто орудие, «техническое» приспособление для передачи мысли. Будучи переводчиком, Библихин быстро осознал то, что фон Гумбольдт называл «характером языка» – неподдельности смысла и значения каждого слова, которому требовалось найти как можно более полное соответствие в родном языке. Дело хорошего переводчика не в механическом подборе нужных слов – его передать мысль во всей ее глубине. Этот труд особенно непросто при переводе Хайдеггера – ведь даже на родном, немецком, его понимают далеко не все.

Библихину мы обязаны тем Хайдеггером, что у нас есть: именно его переводы, вопреки всей критике считаются наилучшими и уже стали «классическими», именно через Библихина к нам доносится мысль великого немецкого философа.

Не претендуя на истину, Библихин претендует лишь на мысль об истине. Истинной нельзя обладать, в истине можно лишь пребывать – скажет С. Кьеркегор, по-видимому, видоизменив цитату из диалога «О сокровитном божестве» Н. Кузанского (в переводе того же Библихина!): *«Но как можно обладать истиной, если не в ней самой? Нельзя ею обладать и в том случае, если прежде будет обладатель, а потом обладаемое»* [5].

Из трех наиболее важных для Библихина, на наш взгляд, понятий, мы коснулись пока что двух: *мира и языка*. Осталось третье – наиболее загадочное – *«философия»*.

Эта наиболее общая философская «категория», тем не менее, лишена ожидаемой решительной понятливости для нас. Философия для Библихина имеет смысл абсолютно лишенный академического тона и (на)значения: *«Философия не область, не культурная сфера, а попытка – ничем не обеспеченная – вернуть жизни, моей человеческой, то, чем она с самого начала размахнулась быть: отношением к миру, не картине, а событию»* [2, с. 181].

Это событие – акт «свершающегося бытия» [3], акт творения бытия в поступке, драма причастности творителя к самому сокровенному – бытию. При этом, Бибихин остается верен Хайдеггеру и бытию: «Бытие – начало философии, и мы не должны сделать его концом, в котором она умирает жалкой смертью, от недостатка предмета первой необходимости: отчетливости мысли» [1, с. 85]. Это – сугубо человеческое, драма «события» – есть драма бытия человека, отсюда и мысль, что «Философия как принимающее понимание совпадает с существом человека. Человеку не иногда свойственно философствовать, а он и есть в своем существе философия: понимание в мире, могу и умею ума... нашедшего в самом себе мир как согласие, которое допускает быть истине вещей» [4, с. 89].

Так мы сделали набросок – три слова, которые служили важнейшими понятиями для философии Бибихина, три понятия, в которых отмечена жизнь самого философа. «Во имя языка, мира и философии» – так мог бы звучать девиз Бибихина... если бы он, конечно, был ему нужен.

Когда мы в начале текста привели слова Флоренского (прочтем их сейчас заново), то сделали это неспроста. Вдумаемся – если заменить слово «иконописец» на «философ», то мы будем очень близко к тому, что можно назвать обликом и образом мыслителя, в особенности такого, как В.В. Бибихин. И дело даже не в том, что философ должен соблюдать «душевную чистоту», и дело, даже не в том, что философы чаще прочих «мирян» являются к Философии – к Мудрости. Дело в том, что дело мысли философа само ставит «*требования более высокие*», и философ невольно делается в собственном смысле *подвижником*. Иконы созданные Бибихиным – это иконы мысли; это лики философов, которые, благодаря ему, заговорили по-русски. Иконы Бибихина – это мысль, свидетель того тончайшего философского настроения, что так редко сегодня среди философского (или «философствующего») большинства.

Дело мысли и дело жизни Бибихина – это дело иконописца-философа, и нам предстоит пройти долгий путь, что осмыслить и осознать его истинную, подвижническую сущность.

Список использованных источников:

1. Бибихин В.В. Мир. – Томск: «Водолей», 1995. – 144 с.
2. Бибихин В.В. Ранний Хайдеггер: Материалы к семинару. – М.: Институт св. Фомы, 2009. – 536 с.
3. Бибихин В.В. Слово и событие [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.bibikhin.ru/slovo_i_sobytie#s3491
4. Бибихин В.В. Язык философии. – СПб.: Наука, 2007. – 389 с.
5. Кузанский Н. Малые произведения [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Kuzan/mal_pro.php
6. Лунгина Д. Потеря учителя [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.bibikhin.ru/poterya_uchitelya
7. Розанов В.В. Опавшие листья. – СПб.: «Лениздат», 2012. – 448с.
8. Флоренский П. Иконостас. СПб.: «Азбука-классика», 2010. – 224 с.